

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА,
НАЗНАЧЕНІЯ.

Бывш. псал. Владиміръ *Зоватъ* и. д. псал. къ ц. с. Вышкоуць, Оргѣв. у., 30 апрѣля.

Студ. Семин. Михаилъ *Порубинъ* на свящ. м. къ ц. с. Фрумушики-вѣки, Аккер. у., 27 апрѣля.

ПЕРЕМѢЩЕНІЯ.

Псал. ц. с. Абаклыджабы Бенд. у., Феодоръ *Палій* къ ц. с. Акмангитъ, Аккер. у., 1 мая, съ оштрафованіемъ въ пользу Епархіальнаго Попечительства въ 20 руб.

Псал. ц. с. Корново, Оргѣв. у., Андрей *Душа* къ ц. с. Сипотенъ, Кишин. у., 1 мая.

Ц. с. Царевки, Оргѣв. у., свящ. Левъ *Гонца* къ ц. с. Васіенъ, того же у., 27 апрѣля.

Ц. с. Ново-Котюжанъ, Оргѣв. у., свящ. Василій *Команецкій* къ собор. ц. г. Рени, на 2 м., 27 апрѣля.

Ц. с. Ларги, Хот. у., свящ. Іоаннъ *Гоянъ* обратно къ ц. с. Христичъ съ оштрафованіемъ въ 25 р. 27 апрѣля.

УВОЛЬНЕНІЯ.

Ц. с. Чорештъ, Кишин. у., псаломщикъ Аѳанасій *Гучуланъ* заштатъ, согласно прошенію, 27 апрѣля.

II.

**Епархіальныя извѣстія
СПИСОКЪ**

ПРАЗДНЫХЪ СВЯЩЕННИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.

Наименованіе села и уѣзда.	Число душъ муж. пола.	Количество зем- ли (дес. саж.).	Жалованья отъ казны
<i>Хотинскаго уѣзда:</i>			
С. Маршинець 1 м.	1232	68	—
С. Бѣлоуцы	758	33	—
С. Ларга 1 м.	1653	66	—
С. Грозинцы	1418	66	—
<i>Оргѣвскаго уѣзда:</i>			
С. Царевка	671	33	—
С. Ново-Котюжаны	449	28	400
<i>Бендерскаго уѣзда:</i>			
С. Кирютня 2 м.	1557	127	—
С. Абаклыджаба 2 м.	1780	99	—
<i>Измаильскаго уѣзда:</i>			
С. Вадулуй-Исакъ	477	15	400
С. Зернешты	370	16	600
С. Кіоселія-Мика	547	26	400

◆
С п и с о к ъ

ПРАЗДНЫХЪ ПСАЛОМЩИЧЕСКИХЪ МѢСТЪ.

<i>Кишиневскаго уѣзда:</i>			
Г. Кишиневъ діак. м. при ц. 2 м. гимназіи .	—	—	440
С. Кацалены	333	33	400
С. Гидигишъ	642	33	—
С. Калмацуй	820	33	—
С. Чорешты	925	33	—
<i>Хотинскаго уѣзда:</i>			
С. Михалашаны	641	33	400
С. Должокъ	546	33	400
С. Бѣлоусовка	806	37	400
С. Мошанецъ	525	33	400
С. Маршинець 2 м.	1232	67	—
С. Сынжера	388	33	400
С. Бузовица	898	33	—

Бѣлецкаго уѣзда:

С. Гирчешты 636 33 —

Бендерскаго уѣзда:

С. Кирютня 2 мѣсто 1557 127 —

С. Телица 525 33 400

С. Абаклыджаба 2 м. 1780 99

Оргѣвскаго уѣзда:

С. Корново 665 33 400

С. Березложъ 405 33 400

С. Суслены-Нисшіе 251 33 —

С. Гиришены. 770 33 —

Аккерманскаго уѣзда:

С. Будаки 804 97 —

С. Ивановка Русская 1162 92 —

УМЕРШИИ.

Церкви с. Грозинець, Хотинск. у., священникъ *Петръ*
Раецкій, 21 апрѣля.

III.

**Отъ Канцеляріи Кишиневскаго Епархіальнаго
Архіерея.**

Съ 7-го по 11-ое сего мая Высокопреосвященный Серафимъ, Архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій, будетъ обозрѣвать нѣкоторыя церкви и села Бендерскаго уѣзда; затѣмъ Высокопреосвященный Владыка будетъ посѣщать экзамены, какъ въ духовно учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ свѣтскихъ г. Кишинева, а къ 23 мая выѣдетъ въ Гиржавскій Св. Вознесенскій монастырь на храмовой праздникъ, такъ что у Высокопреосвященнаго Владыки не будетъ свободнаго времени для приѣма.

Въ виду этого всѣ лица, имѣющія къ Высокопреосвященному Владыкѣ ту или иную просьбу или дѣло, соблаговолягъ свои просьбы и доклады сообщать Высокопреосвященному Владыкѣ письменно.

IV.

МАРШРУТЪ

По обзрѣнію Высокопреосвященнѣйшимъ Серафимомъ, Архіепископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ, церквей и сель Бендерскаго уѣзда, Кишиневской епархіи, съ 7 по 10 мая 1913 Г.

7 мая. Со ст. «Кайнапы» въ с. с. Кайнары, Чуфлешты, Баймаклю, Тараклю, Троицкое на ст. «Скиносы» (ночлегъ).

8 мая. Со ст. «Скиносы» въ с. с. Батырь, Сатуново, Селеметъ, Михайловку на ст. «Скиносы» (ночлегъ).

9 мая. Со ст. «Скиносы» въ с. с. Чимишлю, Богдановку, Садаклю, Карабетовку, Абаклыджабу, Романовку на ст. «Лейпцигъ» (ночлегъ).

10 мая. Со ст. «Лейпцигъ» въ с. с. Чокъ-Мейданъ, Комратъ Авдарма, на ст. «Кульмская» и оттуда въ г. Кишиневъ.

V.

Отъ Кишиневской Духовной Консistoriи.

Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества 22 февраля сего года обратился къ Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Серафиму съ просьбой сдѣлать распоряженіе по Кишиневской епархіи о доставленіи священниками епархіи о. о. благочиннымъ подписныхъ листовъ Миссіонерскаго Общества со сборами по нимъ въ концѣ каждаго года, а не въ первой половинѣ года. Вслѣдствіе сего, Кишиневская Духовная Консistoriя, согласно опредѣленію ея, Его Преосвященствомъ утвержденному 8 апрѣля сего года, предлагаетъ духовенству Кишиневской епархіи, въ дополненіе къ предложенію, напечатанному въ № 2 Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1913 годъ, сборъ въ пользу Православнаго Миссіонерскаго Общества по подписнымъ листамъ представлять благочиннымъ не къ 1 августа, а къ 15 января, а благочинные должны деньги по сему сбору къ 1 февраля каждаго года представлять непосредственно отъ себя въ Кишиневскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, Консistoriи же доносить о днѣ отсылки денегъ и суммѣ ихъ.

1913-й годъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Мая 5.

«Безъ догмата».

Въ нашъ станъ назначили новаго пристава И.

Казалось бы, что общаго между мною, приходскимъ священникомъ, по самому роду служенія обязаннаго интересоваться духовною стороною ввѣренныхъ ему пасомыхъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, и становымъ приставомъ, который, хотя по вѣрѣ и православный, но, въ силу обстоятельствъ, обязанъ скитаться по разнымъ населеннымъ пунктамъ губерніи, не числясь официально ни на одномъ приходѣ.. Казалось бы... Но жизнь, столь разнообразная въ своихъ проявленіяхъ, столь неистощимая въ сплетеніи лицъ, событій и мелкихъ фактовъ, такъ мало заключаетъ въ себѣ назидательности для обыденнаго человѣка, что маломальски отрадное явленіе на религіозной почвѣ, способное остановить на себѣ духовный взоръ наблюдательнаго пастыря, кажется уже исключительнымъ, вполне достойнымъ для показанія его міру. Однимъ изъ такихъ фактовъ является мое духовное знакомство съ упомянутымъ приставомъ.

Первоначально я познакомился съ нимъ въ бытность его околоточнымъ надзирателемъ въ губернскомъ городѣ. Ничѣмъ особеннымъ онъ не выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей: ходилъ въ участокъ, обходилъ дворы, писалъ протоколы, посѣщалъ рестораны и, по обязанностямъ службы, общественныя мѣста, храмы, арестные дома, тюрьмы и пр.,—словомъ, творилъ свое дѣло въ послушаніи и дослужился, наконецъ, до станового пристава.

Возобновленіе прерваннаго временемъ знакомства съ нимъ состоялось уже на приходѣ, въ заѣзшемъ домѣ, гдѣ мой зна-

комець снималъ показаніе съ свидѣтелей по брако-разводному дѣлу. Тутъ мнѣ въ глаза рѣзко бросилась та застѣнчивость пристава, съ какою онъ допрашивалъ свидѣтелей: видно было, какъ тяжело ему копаться въ фізіологической грязи прелюбодѣйнаго супруга. По свойственной всѣмъ интеллигентамъ любезности, я пригласилъ пристава въ свой домъ и здѣсь, за чаемъ и ужиномъ, раскрылась предо мною душа этого «немудрствующаго лукаво» чловѣка.

— Сейчасъ мы, батюшка,—въ промежуткѣ между двумя стаканами чая, закуривъ папиросу, обратился ко мнѣ приставъ:—сейчасъ мы были свидѣтелями обычнаго факта въ супружеской жизни. Не сошлись молодые характерами, стали смотрѣть въ стороны, а тамъ и полный разладъ.

Конецъ извѣстенъ: допросъ свидѣтелей, консисторскій судъ и алле маширъ супруги на всѣ четыре стороны! Ну въ такихъ случаяхъ кто-нибудь изъ нихъ и виноватъ...

А вотъ, подите-ка, каково нашему брату, приставу Н стана N уѣзда!.. Только и всего сидишь дома, какъ придется срочное донесеніе, либо телеграмму г. исправнику послать. По цѣлымъ недѣлямъ не видишь ни жены ни дѣтей, трясешься на почтовой или мужицкой перекладинѣ и пьешь, куришь до одурѣнія. Скажите, пожалуйста, что за это время переживаетъ молодая жена съ мелкими ребятами въ грязномъ мѣстечкѣ?! Подите, докажите ей, что я цѣломудренъ, какъ Іосифъ и женоненавистливъ, какъ Илліодоръ... Не повѣритъ...

А отсюда далеко-ли до грѣха, особенно когда подъ—бокомъ крадется змѣй лукавый-другъ дома. Вотъ это положеніе страшно мучаетъ меня. Хотѣлось бы поближе къ роднымъ—ея или моимъ: все спокойнѣе было бы.

Сколько мнѣ извѣстно, дорогой пріятель, вашей семьѣ не особенно скучновато безъ васъ,—откликнулся я на его сѣтованія: если и не слишкомъ комфортабельно, то все-же прилично обставлена, думаю ваша семья: кромѣ жалованья, вамъ немало перепадаетъ разныхъ «безгрѣшныхъ» доходовъ отъ населенія; а при такихъ условіяхъ супруга ваша не такъ легко сможетъ забыть васъ, чтобы вамъ загадывать о нехорошемъ будущемъ. Развѣ что вы подадите ей поводъ къ распутству...

— Нѣтъ батюшка,—поспѣшно возразилъ онъ мнѣ:—вы оши-

баются насчетъ нашихъ матеріальныхъ достатковъ: далеко не такъ они велики, какъ вы ихъ рисуете... Прошли тѣ времена, когда пристава завѣдывали личною и кошелькомъ обывателя: теперь не то... Исправникъ у насъ строгій, истинно—русскій человекъ, жалобъ на подчиненныхъ не терпитъ: за первую провинность штрафное замѣчаніе, за вторую вонъ со службы. А поводовъ къ жалобамъ масса: прижалъ кого-нибудь изъ «гонимаго племени» закономъ—«гевалтъ» кричитъ и пишетъ доносъ. Я и забросилъ мѣстечко; да и некогда. Есть довольно каторги по стану. Вотъ вы тяготитесь разбросаннымъ приходомъ, а что въ немъ страшнаго? Посмотрѣли-бы у меня: въ станѣ 58 сель да три жидовскихъ мѣстечка, да лѣса на срубъ, да аграрный вопросъ;—вотъ и угонитесь вы за всѣмъ... А чуть оплошность—конецъ трудамъ: сейчасъ заступятъ твое мѣсто. Второй мѣсяць (дѣло было зимою) сторожу лѣсъ: воруютъ, какъ у себя, цѣлыми обозами. Лѣсопромышленникъ, правда, оплачиваетъ за трудъ—вотъ я за прошлый мѣсяць до двухсотъ нахваталъ, а жиду лѣса на тысячи сберегъ... А вѣдь жизнью рискуешь: грабители съ ружьями забираются въ лѣсъ и вступаютъ въ перестрѣлку... Нѣтъ, Богъ съ ними, съ «безгрѣшными» доходами: жизнь самому дороже.

Даль бы Богъ отвязаться отъ этой проклятой службы и вернуться снова въ городъ.

По привычкѣ заглядывать въ душу интересующихъ меня людей, я освѣдомился о его интеллектуальномъ развитіи, самообразованіи, взглядахъ на общественную жизнь, науку и т. п.

— Некогда, батюшка, книжки читать—усмѣхнулся мой собесѣдникъ:—питаемся донесеніями урядниковъ и доморощенныхъ «аблакатовъ»: а, по правдѣ сказать, хочется отвѣдать самой что—ни—на есть «науки», какъ-то свободнѣе чувствуешь себя въ обществѣ, можешь поддержать разговоръ и съ толкомъ другихъ послушать. Да не дается она мнѣ. Недавно, на именинахъ ветеринарнаго врача, заговорили о теоріи Дарвина: увѣряютъ, что человекъ произошелъ отъ обезьянъ,—отсюда и «артистовъ» среди людей гибель. Да что-то не вѣрится! ветеринаръ то со скотами общается, и во всемъ скотовъ видитъ...

— Да, вы правы,—успокоилъ я пристава!—теорія Дарвина далеко не такъ рѣшительно говоритъ о животномъ происхожденіи человека. Въ своемъ сочиненіи «Происхожденіе человека» онъ вы-

сказываетъ лишь предположеніе — не произошелъ ли человѣкъ отъ какого нибудь низшаго существа, а отсюда до обезьяны, какъ предка человѣка, еще далеко. Впрочемъ, я съ удовольствіемъ дамъ вамъ русскій переводъ этого сочиненія: прочитайте въ дорогѣ...

— Мерси боку, отецъ. Постараюсь разжевать умственную матерію и растолковать мужикамъ, что они то-же люди...

Правда, соблазнъ великъ: обезьяна слишкомъ похожа своимъ видомъ на человѣка — не разъ наблюдалъ ее въ звѣринцахъ у кассы... Только, думается мнѣ, въ ней стыда мало: хитра и воровата, бестія...

— Вотъ, вотъ, — поддержалъ я его: — вы вѣрно подмѣтили: въ ней нѣтъ стыда, нѣтъ и нравственной отвѣтственности, а почему? Души нѣтъ.

— А у человѣка, стало быть, она есть.

— Конечно, если вы наблюдательны и религіозны.

— Ну, извините, батюшка: о религіи со мной не разговаривайте — этимъ не занимаемся, какъ говорятъ купцы.

— Напрасно, пріятель, напрасно, — искренно и съ сожалѣніемъ обратился я къ нему: — религія слишкомъ дорогая вещь, чтобы ею не заняться: иначе и жизнь теряетъ весь смыслъ. Развѣ вы не задумывались о своемъ назначеніи, о будущей жизни, объ отвѣтственности за свои поступки предъ Всемирнымъ Судіею?

— Некогда, говорю вамъ батюшка, этимъ заниматься: своего дѣла по горло. Вотъ дослужусь до участковаго пристава, скоплю малую толику, — тогда и займуся этими вопросами. А съ какихъ поръ я на полицейской службѣ, и креститься, кажется, забылъ...

Разлѣнились, поди, — догадался я: — привыкли заглядывать въ чужіе дворы и совѣсть, а въ свою и забыли хоть изрѣдка заглянуть, что тамъ дѣлается.

— Не совсѣмъ такъ, ошибаетесь, батюшка, — грустно замѣтилъ онъ мнѣ: — на такой службѣ, какъ наша, не до молитвъ. Посудите сами: много ли разъ приходится намъ бывать на богослуженіи... Да наконецъ, для чего мы стоимъ въ храмѣ?! Смотрѣть за порядкомъ, уносить шинели полицеймейстера, губернатора, оттискивать богомольцевъ и глядѣть на все безучастно, какъ на обыкновенное зрѣлище... Или въ праздники: всѣ люди — какъ лю-

ди. Одни полицейскіе обречены на житейскую суету. Нарядятъ тебя въ театръ, балаганъ, клубъ, ресторанъ и др. увеселительныя заведенія: Съ какой душой вернешься домой къ женѣ и дѣтямъ послѣ подобнаго времяпрепровожденія?! Отдохнуть некогда, и вы, батюшка,—съ укоризной поглядѣлъ онъ на меня;—вы требуете у меня думъ о вѣчности...

Я сознавалъ свое безсиліе внѣдрить въ его сознаніе необходимость христіанскаго міросозерцанія. Я видѣлъ ту бездну паденія, къ которой силою порядка вещей катилась его душа,—видѣлъ тревогу и сомнѣнія въ его поведеніи, и въ то же время я не въ состояніи былъ дать ему вѣрный совѣтъ, или, вѣрнѣе, мой совѣтъ былъ бы недостижимъ для него. Поэтому я ограничился предостереженіемъ, что подобное безразличное состояніе духа къ наиважнѣйшимъ вопросамъ бытія: жизни и смерти—не предвѣщаетъ ничего хорошаго въ его будущемъ. Такое легкое отношеніе къ духовнымъ интересамъ ведутъ къ отчаянію, къ самоубійству...

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка,—стремительно оборвалъ онъ меня:—никогда я такъ глупо не разстанусь съ жизнью. Да у меня и цѣль есть: дѣти подрастаютъ, улыбается перспектива переѣхать въ городъ... Иные порядки, иные люди—и начнется новая, хорошая жизнь: и душѣ будетъ покойнѣе.

Я ему не возражалъ.

Обстоятельства разлучили меня съ нимъ на довольно продолжительное время. Я уже думалъ: не переѣхалъ-ли мой пріятель въ свой городъ? Только однажды, въ зимнюю вьюгу, почтовый звонокъ возвѣстилъ намъ о прибытіи кого-то изъ официальныхъ лицъ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда въ комнату входитъ мой становой приставъ....

— Что, батюшка, не ожидали гостя въ такую погоду?—весело, но съ озабоченнымъ лицомъ проговорилъ онъ:—ѣду, ѣду по стану—думаю: заѣду-ка къ батюшкѣ отвести душу.

Я насторожился. Въ его голосѣ слышны были тревожныя нотки. Лицо осунулось и на лбу виднѣлись рѣзко проведенныя борозды. «Помяла тебя жизнь,—думалось мнѣ,—ужъ не случилось-ли чего съ тобой».... Наскоро покончивъ самоваръ и закуску, я усѣлся съ приставомъ въ столовой и приготовился его слушать.

— Помните, батюшка, нашу послѣднюю встрѣчу: вы оказались пророкомъ. Должно быть, слышали, что меня обвиняютъ въ убійствѣ сторожа при становой квартирѣ. Что-жъ—они правы: все говоритъ противъ меня. Вы не забыли—какова наша каторжная жизнь. Вторую недѣлю я рыскалъ по стану, отыскивая какихъ-то воровъ съ Прута. Измученный, голодный, озябшій, я вернулся домой и нахожу телеграмму исправника: пойманы-ли воры—немедленно донести. Въ раздраженномъ состояніи вышелъ я изъ квартиры и на ходу спросилъ о чемъ-то сторожа, но не получилъ отвѣта.—Ты, что это, негодяй, ушей не имѣешь, опять началъ пьянствовать,—вскричалъ я на сторожа, и въ сердцахъ ударилъ его по лицу. Да, видно слишкомъ сильно или, можетъ, и по виску хватилъ. Сторожъ упалъ. Призвали врача—нашелъ онъ порокъ сердца: слѣдовательно, не я виновенъ въ несчастномъ исходѣ.... Но вотъ къ вечеру сторожъ умираетъ—и все мѣстечко называетъ меня убійцей, и о томъ доносятъ исправнику. Назначается слѣдствіе: я на свободѣ, но не сегодня—завтра могу быть въ тюрьмѣ.... Скажите, батюшка, что мнѣ дѣлать. Какъ оправдаться въ своей невинности?.... Не имѣю покоя: боюсь вернуться домой и видѣть слезы и рыданія жены и дѣтей. Легче было бы мнѣ перенести ихъ смерть, болѣзнь, страшную бѣдность и нужду. Во имя Бога прошу васъ, батюшка, успокойте меня.... Иначе, иначе—легче смерть, чѣмъ такая тоска....

— Дорогой другъ,—отвѣчалъ я ему: какъ вы упали духомъ когда жизнь сурово обошлась съ вами: не зная еще исхода обвиненія васъ въ убійствѣ, вы уже впадаете въ отчаяніе. Не въ томъ ужасъ, что васъ могутъ засудить, отнять пользованіе миллетными пріятностями этой жизни.... Жизнь ваша еще впереди. Жаль, что вы потеряли опору въ Богѣ, оставили мысль о будущей жизни, о томъ, что намъ даетъ устойчивость при всѣхъ земныхъ передѣлкахъ и несчастіяхъ. Что стало съ вашей душой? Гдѣ ея сила и воодушевленіе? Какъ она малодушна и слаба! Вы отрицали вѣчность жизни, о Богѣ не помышляли, правосудіемъ Его не интересовались, вѣру потеряли. А безъ вѣры—этого свѣточа жизни—и жизнь не въ жизнь. Вы смѣло говорите: вѣчности нѣтъ и думать о ней не стоитъ. Но это величайшая ошибка. Скажите, мой другъ, что вы теряете отъ призна-

нія будущей вѣчной жизни и воздаянія въ ней? Ничего, кажется. А какая незамѣнимая утрата отъ безвѣрія! Земная жизнь пройдетъ—безразлично: вѣровали-ли вы въ потустороннее бытіе или замкнули себя въ рамки этой кратковременной жизни. Вы утверждаете, будущей жизни нѣтъ. Положимъ. А если она есть—тогда что?! Не лучше-ли, умомъ а затѣмъ и сердцемъ, признать то, для чего и Богъ сходилъ съ неба и распялся за насъ, чтобы сдѣлать насъ наследниками вѣчной жизни,—чѣмъ жить въ потемкахъ невѣрія и дрожать при случайной катастрофѣ въ нашей земной жизни. Всякому придется умереть, какъ бы онъ ни воспользовался временной своей жизнью. Но, если за порогомъ смерти его ждетъ нескончаемая жизнь, тогда горе безразсудному, невѣрующему: муки совѣсти будутъ его спутниками на томъ свѣтѣ...

Мой гость задумался. Тяжело вздыхая онъ началъ страстно передавать мнѣ всѣ предпріятыя имъ мѣры для оправданія себя. По человѣческому разсужденію—присяжные навѣрное оправдаютъ его, хотя мало что можетъ случиться....

Ничего не случится,—ободрилъ я его:—бываютъ, правда, судебныя ошибки, но и это дѣлается не безъ Промысла Божія. Вашъ же случай, думаю, послужитъ вамъ въ предостереженіе на будущее время, чтобы вы не относились такъ легко къ своей, дорогой цѣной искупленной Христомъ душѣ. Дай Богъ, чтобы вы одумались и впредь иначе повели свою жизнь. Узнайте въ вашемъ несчастіи перстъ Божій, предостерегающій васъ отъ паденія. Забросьте пустыя фразы нашихъ безбожниковъ объ одной лишь животной жизни въ человѣкѣ и подумайте серьезно о своей богоподобной душѣ. Будьте руководителемъ и себя, и своей семьи на пути къ Богу и съ твердою вѣрою уповайте на милосердіе Божіе... Я же не перестану молиться о вашей участи...

Переночевавъ у меня, приставъ выѣхалъ въ станъ. Слышны были слухи о судѣ надъ нимъ, окончившемся устраненіемъ его отъ службы. Гдѣ онъ теперь, какова его жизнь—не знаю.... Но, при воспоминаніи о той душевной драмѣ, какая происходила въ душѣ моего невольнo-кающагося, хочется сказать всѣмъ небрегущимъ о своемъ спасеніи: братья! куда вы идете, что ищете вы среди земныхъ печалей и страстей?... Опомнитесь, взгляните разумно сквозь мракъ невѣрія на Ликъ Спасителя,

обѣщавшаго намъ, своимъ братіямъ, мѣсто въ обителяхъ Отца Небеснаго,—и тогда земная жизнь станетъ легкой, безмятежной и пріятной....

С. І. М.

Дидактическій принципъ религіознаго обученія.

Дидактика, предъявляя требованіе въ отношеніи обработки образовательнаго матеріала, признаетъ слѣдующіе принципы: историческій (имѣется въ виду историческая послѣдовательность), предметный (основанъ на связи содержанія отдѣльныхъ предметовъ), телеологическій (имѣется въ виду конечная нравственная цѣль преподаванія) и психологическій (имѣется въ виду психологія ученика и его развитіе). Мы ставимъ вопросъ, примѣнимы-ли эти принципы въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія. Конечно, нѣтъ никакихъ основаній на поставленный вопросъ дать отрицательный отвѣтъ. Но чтобы показать, насколько каждый изъ указанныхъ принциповъ пригоденъ въ дѣлѣ обработки учебнаго матеріала по Закону Божію, необходимо подробнѣе остановиться на каждомъ изъ нихъ.

Основаніемъ историческаго принципа служитъ, во первыхъ, то соображеніе, что послѣдующее вытекаетъ изъ предыдущаго и часто въ немъ находитъ свое объясненіе, а эго, въ свою очередь, ведетъ къ наилучшему пониманію предмета; во вторыхъ, тотъ взглядъ (эмбриологическая точка зрѣнія), что всякій индивидуумъ въ своемъ развитіи долженъ обязательно пройти всѣ тѣ стадіи, которыя прошло въ своемъ развитіи все человѣчество. Этого взгляда держалса Спенсеръ, а въ педагогикѣ его примѣнилъ Герbartъ. Онъ выработалъ свою систему, по которой обученіе дитяти должно начинаться чтеніемъ Одиссеи. Въ основаніе своей системы Герbartъ полагаетъ эмбриологическую точку зрѣнія, по которой образовательная дѣятельность должна совпадать съ тѣми стадіями, которыя въ своемъ развитіи прошло человѣчество. Въ жизни человѣчества онъ указываетъ нѣсколько ступеней развитія: дѣтство—это греческій эпосъ и обученія дитяти должно начаться съ чтенія Одиссеи на греческомъ языкѣ; отрочество—время римскихъ классиковъ, которыхъ нужно читать послѣ Одис-

сеи; юность—исторія новыхъ народовъ, которую нужно изучать послѣ классиковъ. Одинъ изъ послѣдователей Гербарта, «Кольраушъ», требуетъ, чтобы обученіе начиналось съ древне-еврейской исторіи. По Кольраушу сначала нужно пройти исторію патриарховъ (3-ій годъ обученія), потомъ, на 4-мъ году, продолжить исторію еврейскаго народа, на 5-мъ—исторію іудейскихъ царей, особенно Давида, на 6-мъ—жизнь Іисуса Христа, на 7-мъ—исторію Апостоловъ и на 8-мъ—исторію древней церкви.

Таковъ историческій принципъ. Что сказать объ этомъ принципѣ? Конечно, о немъ многое можно сказать, но намъ необходимо отмѣтить лишь практически-дидактическое примѣненіе его въ дѣлѣ распредѣленія матеріала по Закону Божію. Само собою понятно, что историческій принципъ можетъ имѣть примѣненіе въ отношеніи къ матеріалу, составляющему содержаніе историческихъ предметовъ (Св. Исторія В. и Н. Завѣта и Исторія Церкви), при чемъ эмбриологическая точка зрѣнія здѣсь не можетъ имѣть никакого практическаго примѣненія. Къ остальнымъ же предметамъ программы по Закону Божію (вѣроученіе, нравоученіе, богослуженіе, изъясненіе молитвъ) историческій принципъ не можетъ быть примѣняемъ. Но если историческій принципъ не захватываетъ всѣхъ предметовъ Закона Божія и по нему невозможно распредѣлить всего учебнаго матеріала, то необходимо прибѣгнуть къ другому принципу, который могъ бы обнять и объединить всѣ предметы. Такимъ принципомъ является принципъ предметный. По этому принципу учебный матеріаль нужно расположить такъ, чтобы между предметами была внутренняя связь: предметы располагаются въ порядкѣ своего содержанія. Этотъ принципъ извѣстенъ былъ еще въ древности: Платонъ, Цицеронъ, бл. Августинъ настаивали на внутренней органической связи между предметами. Въ средніе вѣка этотъ принципъ выражался въ требованіи господства богословія надъ всѣми прочими дисциплинами. У Бэкона этотъ принципъ сказался въ распредѣленіи учебнаго матеріала по душевнымъ способностямъ человѣка: памяти соотвѣтствуетъ исторія, фантазіи—поэзія, разуму—наука. Съ особенной силой сказался этотъ принципъ въ 19 вѣкѣ у Гербарта въ его ученіи объ интересѣ. По Гербарту связывающимъ началомъ между отдѣльными предметами служитъ интересъ. Связь между предметами устанавливается

сама собою, такъ какъ содержаніе ихъ, хотя и разнообразное, но не изолированное. По этому принципу каждый предметъ Закона Божія можетъ преподаваться отдѣльно, такъ какъ заключаетъ въ себѣ сродное содержаніе, необходимое въ дѣлѣ религіознаго обученія. Но несмотря на такую близость по содержанію отдѣльныхъ предметовъ Закона Божія, предметный принципъ не можетъ быть признанъ достаточнымъ при распредѣленіи дидактическаго матеріала. Связь между отдѣльными предметами должна быть выставляема и укрѣпляема, но это не должно вести къ совершенному обособленію предметовъ, а это едва-ли возможно при строгомъ проведеніи предметнаго принципа. Поэтому оказывается дѣйствительная необходимость въ отысканіи такого принципа, который, не игнорируя сродства между отдѣльными предметами, но въ то же время и не изолируя ихъ, могъ-бы служить объединяющимъ началомъ въ дѣлѣ дидактической обработки учебнаго матеріала. Такимъ началомъ можетъ быть принципъ телеологическій. Онъ разсматриваетъ весь учебный матеріалъ, какъ средство для выработки нравственнаго характера. Цѣлью всякаго образованія, а тѣмъ болѣе религіознаго, должно быть нравственное развитіе. Какъ-же примѣнить этотъ принципъ въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія въ средней школѣ? Указанный принципъ безусловно высокій, совпадающій съ цѣлями религіознаго обученія, а поэтому заслуживающій самаго серьезнаго вниманія, но нужно сказать во всей силѣ не примѣнимый. По этому принципу всѣ предметы нужно конструировать только съ опредѣленной цѣлью, не обращая вниманія на индивидуальную природу каждаго изъ нихъ, но въ такомъ случаѣ придется нарушить принципъ, вытекающій изъ существа самаго предмета, на примѣръ историческій въ области исторіи. Поэтому относительно телеологическаго принципа при распредѣленіи учебнаго матеріала по Закону Божію приходится сказать, что онъ, являясь необходимымъ въ общемъ ходѣ преподаванія Закона Божія относительно нѣкоторой части матеріала (точность въ именахъ, хронологическихъ, топографическихъ данныхъ въ области исторіи или точность и система въ области вѣроученія), долженъ имѣть свои границы.—Слабая сторона вышеприведенныхъ принциповъ при распредѣленіи учебнаго матеріала заключается между прочимъ въ томъ, что они не считаются съ психикой ученика,

воспринимающаго этотъ матеріалъ. Способенъ ли ученикъ въ данный моментъ воспринять преподаваемое, какъ развивается ученикъ, чѣмъ интересуется въ извѣстный періодъ своей жизни— до этого указаннымъ принципамъ дѣла нѣтъ. Между тѣмъ это въ настоящее-время создало пѣлую науку (экспериментальная психологія и основанная на ней экспериментальная дидактика). Принципъ, принимающій во вниманіе при распредѣленіи учебнаго матеріала, психологію ученика, какъ воспринимающаго субъекта, называется психологическимъ. По этому-принципу матеріалъ распредѣляется сообразно съ психологическими особенностями человѣка въ различные возрасты его жизни. А въ возрастѣ человѣка принято различать: дѣтство, отрочество, юность и старость. Къ отличительнымъ особенностямъ дѣтскаго возраста нужно отнести слѣдующее: чувство больше развито, чѣмъ умъ, произвольное вниманіе сильно, а произвольное слабо. поэтому систематическая работа въ этомъ возрастѣ невозможна; сильно также развита фантазія, порывистость, неустойчивость.

Отрочество характеризуется чертами героическихъ подвиговъ, буйными играми, далекими путешествіями и проч. Это объясняется тѣмъ, что умственные силы развиваются, но еще не въ силахъ сравнивать, обобщать.

Юность характеризуется возбужденіемъ всѣхъ силъ души: чувства необыкновенно глубоки, чисты, воля все больше и больше крѣпнетъ, въ умственной сферѣ все объединяется, намѣчается міровозрѣніе.

Все это, конечно, должно быть учтено при распредѣленіи учебнаго матеріала. «Раздѣленіе религіознаго обученія, говоритъ Шреедеръ, примѣнительно къ потребности воспринимающихъ силъ юношества есть неотложное требованіе».

Итакъ мы, разсмотрѣли всѣ дидактическіе принципы въ примѣненіи къ религіозному обученію; какой-же изъ нихъ нужно признать наиболѣе подходящимъ и каковъ вообще долженъ быть дидактической принципъ религіознаго обученія?

Конечно, всѣ принципы въ той или иной мѣрѣ примѣнимы

¹⁾ Гимн. и Реал. Учил. В. Шреедеръ. Пер. Янчевецкаго стр. 257 ср. К. И. Б. Психологія религіозности въ школьные годы и педагогическое значеніе ея. Педаг. Сборн. 1906 --210.

въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія, но преимущественнаго вниманія все-таки заслуживаютъ телеологическій и психологическій. Телеологическій наилучшимъ образомъ содѣйствуетъ религіозно-нравственному развитію учащихся (конечная цѣль религіознаго обученія), а психологическій показываетъ, какъ этого наилучшимъ образомъ достигнуть. Если мы религію понимаемъ, какъ явленіе внутреннее, какъ совокупность психологическихъ возбужденій, направленныхъ къ раскрытію въ человѣкѣ образа Божія; то лучшимъ принципомъ обученія религіи будетъ тотъ, который будетъ соотвѣтствовать природѣ человѣка, а такимъ принципомъ, несомнѣнно, долженъ быть признанъ психологическій. Поэтому и принципъ религіознаго обученія долженъ быть телеологически-психологическій.

Свящ. А. Вылковъ.

Молдавскія празднованія отъ Пасхи до Пятидесятницы.

(Продолженіе *).

Возможно думать что, по нѣкоторымъ молдавскимъ повѣрьямъ, «Русаліи» — что-то вродѣ падшихъ добрыхъ духовъ женскаго пола. Ихъ было сначала семь сестеръ—чистыхъ и непорочныхъ.

Когда сатана возсталъ противъ Бога, старшая изъ «Русалій», безумно любившая его, перешла на его сторону и увлекла съ собою и остальныхъ сестеръ. За это «Русаліи» вмѣстѣ съ сатаной были низвержены съ неба и осуждены на скитанье по землѣ, среди людей. Въ «русаліевскіе» праздники «Русаліи» со своими возлюбленными духами устраиваютъ пиры на лужайкахъ, полянахъ, въ рощахъ и т. д. Горе тому, кто ихъ увидитъ! Среди людей «Русаліи» ходятъ цѣлый годъ, но никто ихъ не видитъ. Иногда онѣ даже помогаютъ людямъ. Во время же своихъ праздниковъ, особенно въ день Преполовенья (самый опасный день), «Русаліи» очень свирѣпы.

*) См. «Киш. Еп. Вѣд.» № № 16,—17 за 1913 г.

«Русаліевскій» періодъ молдавскихъ весеннихъ празднованій воплощаетъ въ себѣ трагическое столкновение народной набожности со всякими обломками языческаго міровоззрѣнія, которые очень крѣпко сидятъ въ народномъ сознаніи.

Было бы, однако, ошибочно думать, что молдавскія «Русалии» имѣютъ что-нибудь общее съ русскими русалками. Свою аналогію онѣ находятъ въ другомъ мѣстѣ,—въ названіяхъ весеннихъ народныхъ праздниковъ, падающихъ на это же время у другихъ племенъ латинской расы.

Происходятъ эти названія отъ латинскаго Rosalia,—очевидно, наименованіе древне-римскаго языческаго праздника розъ.

За первымъ «русаліевскимъ» четвергомъ на Свѣтлой недѣлѣ слѣдуетъ также празднуемая молдаванами пятница, называемая «источникомъ исцѣленія» («*Извору тѣмъдуирій*»). Существуетъ у молдаванъ повѣрье, что въ этотъ день всякій источникъ, ключъ, колодець какой бы то ни было воды обладаетъ свойствомъ исцѣлять всякую рану или болѣзнь, если дать больному выпить воды или просто обмыть больныя мѣста.

Ночью наканунѣ этого дня, а также утромъ въ самый день, обычно ходятъ къ источникамъ за водой, собираютъ (конечно, женщины) лечебныя травы, обращаются къ знахаркамъ за заговорами и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прихожане просятъ священника выйти въ поле крестнымъ ходомъ съ иконами помолиться о дождѣ и избавленіи отъ тяжелыхъ болѣзней.

Въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ молдаване празднуютъ «Пасху блаженныхъ». («*Паштили блѣжсинилор*»)—или по-просту русскую радуницу, «проводы».

Собираются семьями на кладбище для поминовенія своихъ покойниковъ. Приносятъ туда «пасху» и красныя яйца, которыя кладутся на могилки. Священникъ служитъ надъ могилкой панихиду, а потомъ она окропляется виномъ изъ стаканчика. Послѣ окончанія панихидъ причтъ приглашается прихожанами къ столу, который накрывается тутъ же, на кладбищѣ.

Вотъ и все несложное, скудное типично-національными чертами содержаніе праздника «Пасхи блаженныхъ». Не такова,

однако, народно-религіозна идея этого празднованія. По своему содержанію, она далеко не такъ проста, а, напротивъ, своеобразна въ своей мистичности и загадочности. Прежде всего въ самомъ названіи праздника звучитъ что-то какъ будто мистичное. «Пасха блаженныхъ»... Можно ли, однако, наименованіе «блаженные» въ полной мѣрѣ отнести къ покойникамъ? Едва ли. Во-первыхъ, не всѣ покойники—блаженные, а во-вторыхъ молдавское «*блѣжин*», которое мы выше условно, въ чисто терминологическихъ видахъ перевели русскимъ «блаженнымъ», означаетъ, собственно говоря, кроткій, смиренный, добрый, благочестивый,—качества, которыя еще въ большей мѣрѣ могутъ быть отнесены далеко не ко всѣмъ покойникамъ. Значитъ, названіе «*Паитили блѣжинилор*» должно имѣть свой особенный смыслъ, независимый отъ самаго содержанія молдавской радуницы. Если мы вникнемъ въ этотъ смыслъ, то увидимъ, что указанное народное названіе праздника, дѣйствительно, относится не къ покойникамъ, а къ легендарному народу «рахмановъ», которыхъ молдаване и называютъ «*блѣжиний*». «Блаженные», или «рахманы», по повѣрьямъ молдаванъ,—это христіанскій народъ, обитающій гдѣ-то въ очень далекой странѣ. Но какъ называется эта страна, и гдѣ она находится, никто съ достовѣрностью не знаетъ. Нѣкоторые говорятъ, что «рахманы» живутъ у большихъ водъ, въ которыя вливаются всѣ рѣки, ручьи и потоки. Другіе говорятъ, что они населяютъ большую пустыню на берегу моря.

Третьи говорятъ, что они живутъ на морскихъ островахъ. Четвертые—что на востокѣ, въ какихъ-то большихъ тюрьмахъ, гдѣ христіане запираются на цѣлую жизнь и такъ какъ въ тюрьмахъ имъ некому сказать, когда Пасха, то они узнаютъ, что Пасха прошла, по бѣлымъ и краснымъ яичнымъ скорлупамъ, плывущимъ по водѣ.

Всѣ эти отдѣльныя мнѣнія о мѣстѣ жительства «рахмановъ» или «блаженныхъ» объединяются общею чертой: «рахманы» живутъ среди язычниковъ и потому не знаютъ, когда христіане празднуютъ Пасху, хотя они народъ христіанскій и при

томъ въ высшей степени благочестивый и набожный,—за что бессарабскіе молдаване и называютъ ихъ «блаженными». Они не живутъ въ домахъ, а въ тѣни деревьевъ, ходятъ нагими и питаются тѣмъ, что даетъ имъ окружающая природа. У нихъ всегда тепло. Происходятъ они отъ Сива, сына Адамова и, благодаря своему благочестію, всѣ очень угодны Богу. Ихъ главное занятіе состоитъ въ молитвахъ. Послѣ смерти они идутъ прямо въ рай.

Съ женами они не живутъ цѣлый годъ, а встрѣчаются съ ними лишь на Пасху и, поживъ нѣсколько дней, расходятся. Великій постъ «блаженныхъ» продолжался сначала десять недѣль. Потомъ, когда многіе изъ нихъ стали умирать отъ чрезмѣрнаго пощенія, Богъ сократилъ ихъ постъ и оставилъ имъ лишь восемь недѣль.

Другіе же говорятъ, что «блаженные» постятся цѣлый годъ, и, еслибы они не видѣли плывущихъ по водѣ яичныхъ скорлупъ, то они такъ и не праздновали бы Пасхи, потому что не знали бы, когда нужно ее праздновать.

Когда брошенныя женщинами во время пасхальныхъ приготовленій и въ самый праздникъ Пасхи яичныя скорлупы приплываютъ въ ихъ страну, тогда они знаютъ, что прочіе христіане отпраздновали уже Пасху, и тогда начинается и у нихъ празднованіе Свѣтлаго праздника.

Поэтому молдаванки, желая извѣстить «блаженныхъ» или «рахмановъ» о наступленіи Пасхи, собираютъ бѣлыя и красныя яичныя скорлупы въ какое-нибудь сито или корытце, чтобы потомъ снести ихъ и высыпать куда нибудь въ текущую воду, напр., въ рѣку или въ ручей.

О женщинѣ, которая этого не дѣлаетъ, думаютъ что она беретъ большой грѣхъ на свою душу.

Высыпанныя яичныя скорлупы плывутъ по текучимъ водамъ до тѣхъ поръ, пока не вплываютъ въ «субботнюю рѣку» («Ана Съмбетей»), по которой и доплываютъ до страны «рахмановъ» или «блаженныхъ».

По повѣрьямъ бессарабскихъ молдаванъ, это бываетъ ровно

черезъ недѣлю послѣ Пасхи, т. е. именно въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ. Доплывъ до «рахмановъ», яичныя скорлупы превращаются въ цѣлыя яйца и «блаженные» ими начинаютъ разговляться, при чемъ двѣнадцать человѣкъ ѣдятъ изъ одного яйца. Завидѣвъ поэтому еще издали скорлупы, «рахманы» приходятъ въ неописуемый восторгъ. Тогда они начинаютъ сходиться со своими женами для празднованія Свѣтлаго праздника.

Такимъ образомъ, молдавскія «проводы» получили свое названіе «*Паштили блѣжинилор*» не отъ покойниковъ, а отъ этихъ самыхъ «блаженныхъ» или «рахмановъ», которые будто бы празднуютъ свою Пасху въ день «проводъ». Что же касается вопроса о томъ, какое вообще отношеніе могутъ имѣть эти «блаженные» къ покойникамъ въ религіозно-бытовыхъ представленіяхъ молдаванъ, то на этотъ вопросъ мы напрасно стали бы искать отвѣта. Можно съ достовѣрностью установить лишь, что связь между представленіями о тѣхъ и другихъ существовала, но въ чемъ выражалась данная связь,—это по необходимости должно остаться внѣ поля нашего изслѣдованія.

Въ этнографической литературѣ вопросъ о «рахманахъ» вообще является какимъ-то камнемъ преткновенія. Что представляетъ собой повѣрье о «рахманахъ» съ чисто научной точки зрѣнія? Каково происхожденіе этого повѣрья? Гдѣ оно впервые появилось? Интересъ къ этимъ проблемамъ усугубляется тѣмъ необычайно широкимъ распространеніемъ этого повѣрья, которое снискало ему заслуженную популярность среди изслѣдователей. Бессарабскіе молдаване никогда не называютъ «рахмановъ» «рахманами», хотя и удержали повѣрье о нихъ въ его основныхъ типическихъ чертахъ. Но кому изъ интересующихся фольклоромъ не извѣстно, что это повѣрье существуетъ не только у бессарабскихъ молдаванъ, но прежде всего у русиновъ Бессарабіи и Буковины, а также у буковинскихъ гуцуловъ, которые, какъ и русины, такъ и называютъ молдавскихъ «блаженныхъ» «рахманами»? Изъ отраслей же румынскаго народа «рахманы» подъ этимъ же названіемъ (нѣсколько, правда, видоизмѣненнымъ: «*рогманй*», «*рохманй*», «*рогманй*») встрѣчаются въ повѣрьяхъ

буковинскихъ молдаванъ (не говоря о самой Молдавіи), а также у румынъ Марамуреша и Насаудскаго округа въ Трансильваніи. (S. Fl. Marian. «Serbâtorile la Români» vol III, p. 182), Въ Буковинѣ же это повѣрье, какъ мы только что видѣли, является общераспространеннымъ. Тамошніе русины и гуцулы, празднующіе «*Паштили блъжинилор*» одновременно съ молдаванами, называютъ этотъ праздникъ «Рахманьскій Велыкъ-день»—«рахманской Пасхой».

Такая распространенность повѣрья о «рахманахъ» не могла не вызвать живого интереса среди ученыхъ, не разъ пытавшихся рѣшить, кто же наконецъ такіе эти загадочные «рахманы», о которыхъ рассказываютъ одно и то же румыны, русины и гуцулы? Къ сожалѣнію, эти попытки дальше догадокъ не пошли и «рахманы» такъ и остались окутанными дымкой таинственности, загадочности и мистицизма.

Такъ, нѣмецкій ученый д--ръ Игн. Ганушъ въ своей книгѣ «Die Wissenschaft des slavischen Mythus im weitesten, den altpreussisch—litauschen Mythus mitumfassenden Sinne» («Наука о славянскомъ миѣѣ, въ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ старо-прусско литовскій миѣѣ») высказываетъ мысль, что «рахманы»—это не кто иные, какъ индійскіе брахманы или брамины. Онъ пишетъ: «Скорлупы красныхъ яицъ въ селахъ Галиціи и теперь бросаются въ рѣку, такъ какъ существуетъ повѣрье, что только когда эти скорлупы доплывутъ до страны «рахмановъ»,—только тогда они станутъ праздновать свой праздникъ.

Кто такіе «рахманы»,—никто не умѣетъ сказать (быть можетъ, это искаженное названіе брахмановъ, браминовъ)». (Dr. Ign. Joh. Hanusch. «Die wissenschaft des slawischen Mythus im weitesten, den altpreussisch—litauschen mitumfassenden Sinne». Lemberg, 1842, p. 107).

Другого мнѣнія придерживается д--ръ Р. Фр. Кайндль въ своей книгѣ: «Huzulen. Ihr Leben, ihre Sitten und ihre Volks überlieferung». Wien, 1894. («Гуцулы. Ихъ жизнь, ихъ нравы и народныя преданія»). Въ подстрочномъ примѣчаніи на страницѣ 76-й онъ говоритъ: «Преданіе «указываетъ мѣсто жительства «рахмановъ»

къ юго-востоку; оттуда, поэтому долженъ происходить и ихъ культъ. Мой другъ, д—ръ В. Гейнъ, обращаетъ мое вниманіе на то, что на арабскомъ языкѣ «рахманъ» означаетъ милостивый, что соотвѣтствуетъ описанію природы «рахмановъ». Вообще, «рахманы» распространены не только у гуцуловъ, но также у русинъ Галиціи и Буковины и румынъ послѣдней страны».

Тотъ же Кайндль въ другой книгѣ «Die Rutenen in der Bucowina» («Русины въ Буковинѣ») опровергаетъ Гануша, говоря: «Удовлетворительное объясненіе мѣта о «рахманахъ» еще не найдено. Допущеніе Гануша (рахманы, брахманы, брамины), конечно, неприемлемо». (Die Rutenen in der Bucowina, II Th p. 21, прим. 1).

Извѣстный румынскій фольклористъ, священникъ С. Фл. Маріанъ по вопросу о происхожденіи легенды о «рахманахъ» высказываетъ предположеніе, основанное на приведенномъ мнѣніи Кайндля. «Весьма вѣроятно»,—говоритъ онъ,—«что русины заимствовали этотъ культъ у румынъ, живущихъ къ юго-востоку отъ нихъ или, что еще вѣроятнѣе, культъ «рахмановъ» былъ принесенъ гуцулами, когда они поселились въ горахъ на сѣверо-западѣ Буковины и въ пограничныхъ съ Галиціей. Отъ нихъ онъ былъ перенятъ румынами и русинами.

Въ послѣднемъ предположеніи нѣсколько подкрѣпляетъ насъ то обстоятельство, что культъ «рахмановъ» извѣстенъ румынамъ сѣверо востока Трансильваніи, Марамуреша, Буковины, Бессарабіи и Молдавіи, т. е. тѣмъ, которые находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ гуцулами, тогда какъ остальнымъ румынамъ (Валахіи, Боната, Венгрии и Западной Трансильваніи) этотъ культъ неизвѣстенъ». (S. Fl. Marian. Serbătorile la Români vol III, p. 187).

Вопросъ же объ этимологіи слова «рахманы», объ его происхожденіи, такъ же какъ и о генезисѣ самаго мѣта о «рахманахъ», Маріанъ считаетъ празднымъ. Приведу въ заключеніе различныхъ мнѣній о «рахманахъ» курьезный, хотя и льстящій національной гордости румынъ взглядъ одной румынской писательницы, будто «рахманы», по созвучію именъ и по нѣкото-

рымъ чертамъ повѣрья, это-тѣ же римляне («рогманѣй»—«романѣй»), предки румынъ, отличавшіеся будто-бы благочестіемъ, милосердіемъ и другими симпатичными качествами, Маріанъ замѣчаетъ: «Не находя удовольствія въ томъ, чтобы удлинить рядъ этихъ предположеній собственнымъ предположеніемъ, надѣюсь лишь, что наши историки и филологи приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы поближе изучить и скорѣе разрѣшить вопросъ о томъ, кто были «рахманѣй» или «блаженные» и откуда румыны заимствовали ихъ культъ». (S. Fl. Marian. Serbătorile la Români», vol III, p. 188).

Слѣдующимъ послѣ пасхальныхъ празднованій большимъ весеннимъ праздникомъ у молдаванъ является день святого Георгія Побѣдоносца («Сфынту Георги»)—23 апрѣля.

Народное воображеніе поставило въ извѣстное соотвѣтствіе праздникъ св. Георгія съ праздникомъ св. Димитрія—26 октября. Легенда рассказываетъ намъ объ этомъ слѣдующее:

«Богъ, видя, что христіанскій народъ воздаетъ этимъ двумъ мученикамъ равное, подобающее имъ почитаніе и что дни памяти этихъ святыхъ празднуются: перваго въ началѣ весны, а втораго въ концѣ осени,—сказалъ имъ:

— Вотъ, ввѣряю вамъ ключи времени, и, по Моему повелѣнію, отселѣ впредь вы будете запираеть раньше или позже время человѣка, смотря по тому, каково будетъ его поведеніе.

Святые приняли ключи съ благодарностью и пошли одинъ направо, другой налѣво.

Когда слышно весеннее кваканье лягушекъ, святой Георгій протягиваетъ руку, беретъ ключи изъ рукъ святого Димитрія («Сы-Медрю») и запираетъ зиму однимъ ключемъ, а другимъ отпираетъ весну.

Когда всѣ перелетныя птицы улетаютъ въ теплыя края, когда не видно бываетъ уже лягушекъ и когда осенніе вихри съ воемъ и свистомъ проносятся по лѣсамъ, безжалостно сдирая съ нихъ послѣднюю листву, тогда святой Димитрій, дрожа отъ холода, протягиваетъ руку св. Георгію и поспѣшно запираетъ свѣтлые, хорошіе дни однимъ ключемъ, а другимъ—отпираетъ

зиму, которая съ яростью вырывается изъ своего заключенія и набрасывается на міръ.

И св. Георгій, и св. Димитрій носятъ ключи у пояса, чтобы кто-нибудь не похитилъ ихъ и не сталъ играть съ временемъ и погодой по своему произволу».

Въ своей основѣ эта легенда, несомнѣнно, носитъ черты, роднящія ее съ древне-греческимъ мифомъ о Бореѣ и вѣтрахъ.

Въ зависимости отъ праздниковъ св. Георгія и св. Димитрія молдаване дѣлятъ годъ на двѣ половины: отъ святого Георгія до святого Димитрія—лучшая, теплая половина года; отъ святого Димитрія до святого Георгія—худшая, самая непріятная.

Такъ какъ св. Георгій открываетъ двери веснѣ и вообще хорошей погодѣ, то къ этому времени у молдаванъ обычно нанимаются пастухи овецъ, коровъ, табунщики и свинопасы на срокъ до св. Димитрія (*„ди ла сфынту Георги пѣн ла Сымедрю“*).

Съ праздникомъ св. Георгія связано много легендъ, повѣрій и традицій. Почти всѣ онѣ основаны на житіи мученика. Вотъ легенда о св. Георгии и змѣѣ:

«Въ одной странѣ былъ змій съ двѣнадцатю головами. Не было живого существа, не было человѣка, не было никого, кто бы, проходя мимо него, не былъ проглоченъ имъ. Но что было ужаснѣе всего,—змій привыкъ къ тому, чтобы въ каждый день ему бросали по молодой дѣвицѣ на съѣденіе.

Что было дѣлать! Стали отдавать люди своихъ дѣвушекъ змію на съѣденіе. Вотъ дошла наконецъ очередь до царской дочери.

Царь испугался, и, зная, что другого выхода нѣтъ, объявилъ по всей странѣ, что кто спасетъ дочь его отъ дракона, за того онъ отдастъ ее замужъ, а послѣ смерти оставитъ ему и царство.

Какъ молнія, облетѣла страну эта вѣсть. Никто все-таки не рѣшался выступить на единоборство со страшнымъ зміемъ.

И вотъ, когда вся страна была въ уныніи, что не находится избавителя отъ змія, появился вдругъ св. Георгій на бѣломъ,

какъ молочная пѣна, конѣ, съ длиннымъ острымъ мечемъ въ рукѣ. Сталъ онъ спрашивать, гдѣ находится змій, причинившій странѣ столько несчастій. Ему сказали. Тогда онъ, не долго думая, пришпорилъ своего коня и во весь опоръ помчался къ змію.

Змій, почувавъ, что кто-то приближается, вылѣзъ изъ колодца, въ которомъ сидѣлъ, и готовился наброситься на св. Георгія.

Но св. Георгій не испугался и, какъ только увидѣлъ его, понесся съ конемъ прямо на него и во мгновение ока поразилъ его мечемъ.

Царь, какъ только услышалъ объ этомъ, такъ обрадовался. какъ только можетъ радоваться человекъ, избавившійся отъ большой опасности. И, желая исполнить свое обѣщаніе, онъ призвалъ св. Георгія и сказалъ ему, что въ благодарность выдаетъ за него замужъ свою дочь, а послѣ смерти оставитъ ему и царство.

Но св. Георгій отвѣчалъ, что ему не нужно ни дочери царя, ни царства, но что онъ удовлетворенъ тѣмъ, что могъ сдѣлать для блага страны и ея жителей. Затѣмъ попрощавшись, онъ разстался съ нимъ».

Въ другой легендѣ св. Георгію противопоставляется уже не змій, а самъ діаволь, нечистый духъ.

«Однажды въ концѣ зимы св. Георгій отправился въ путешествіе. Странствовалъ онъ цѣлый день, пока къ вечеру не прибылъ въ одну деревню. Остановился онъ у перваго же дома и, не сходя съ коня, стукомъ въ дверь сталъ проситься на ночлегъ.

Случилось такъ, что въ этомъ домѣ жила вдова съ тремя малютками—дѣтьми. Она не рѣшилась впустить св. Георгія, говоря, что по близости обитаетъ нечистый духъ, и она боится, чтобы онъ не похитилъ у нея дѣтей.

Тогда св. Георгій сказалъ ей, кто онъ такой, и успокоилъ ее, говоря что, нечистый духъ не можетъ у нея похитить дѣтей, —разъ онъ, св. Георгій, находится въ ея домѣ.

Вдова впустила его.

Діаволь же, подслушавшій, о чемъ говорилъ св. Георгій,

превратился въ зерно и въ такомъ видѣ проникъ въ домъ. Въ полночь же, когда св. Георгій, утомленный долгой дорогой, спалъ крѣпкимъ сномъ, похитилъ дѣтей и увлекъ ихъ въ свою пещеру. Утромъ вдова проснулась и, не найдя дѣтей, стала рыдать.

Св. Георгій, видя, какъ тоскуетъ бѣдная вдова по дѣтямъ, пожалѣлъ ее и сталъ утѣшать, говоря, что онъ вернетъ ей дѣтей. Потомъ вскочилъ на коня и помчался къ пещерѣ діавола. Тамъ онъ схватилъ его въ охапку и сталъ вытряхивать его въ воздухъ, требуя, чтобы онъ вернулъ дѣтей. Но нечистый успѣлъ уже было съѣсть одного ребенка и, слѣдовательно, не могъ его вернуть.

Св. Георгій, видя это, воткнулъ въ него копье, поднялъ его вверхъ и помчался съ нимъ къ вдовѣ.

— Вотъ,—сказалъ онъ ей,—привезъ тебѣ двухъ дѣтей, а вмѣсто третьяго—привезъ самаго нечистаго, который его съѣлъ. Теперь ты его не бойся,—вотъ сейчасъ я ему покажу, какъ ѣсть дѣтей.

Съ этими словами онъ сталъ угощать нечистаго ударами копья до тѣхъ поръ, пока отъ него ничего не осталось!

Потомъ, поблагодаривъ вдову за гостепріимство и поправившись съ ней, поѣхалъ своей дорогой».

Въ этой легендѣ уже гораздо больше народнобытоваго элемента, чѣмъ въ первой. Здѣсь св. Георгій не только Побѣдоносецъ, но вообще рыцарь, защитникъ и покровитель слабыхъ и угнетенныхъ.

А вотъ легенда о мученичествѣ св. Георгія: «св. Георгій былъ зятемъ царя Виклеціана (Діоклетіана). Царь Виклеціанъ былъ язычникъ и преслѣдовалъ христіанъ.

Св. Георгій изготовилъ себѣ образъ Христа и молился ему. Виклеціану это не нравилось. Въ одинъ день онъ особенно сильно разгнѣвался на него и сказалъ:—Георгій! Неужели ты думаешь, что тотъ, Кому ты кланяешься, больше меня?

Св. Георгій отвѣтилъ, что Тотъ кому онъ кланяется, выше не только его, Виклеціана, но и всего міра.

Тогда царь Виклеціанъ, еще сильнѣе разгнѣвался на Георгія, сталъ мучить его.

Св. Георгій, видя, что Виклеціанъ его мучить, убѣжалъ отъ него. Царь погнался за нимъ и догналъ его въ одномъ селѣ, на кладбищѣ.

— Печему ты бѣжишь отъ меня, Георгій?—спросилъ царь.

— Потому что хочу поклониться Тому, Который сильнѣе тебя,—отвѣчалъ Георгій.

— Если ты думаешь, что Тотъ Кому ты хочешь поклониться, сильнѣе меня, то покажи же мнѣ Его силу,—возразилъ Виклеціанъ.

Св. Георгій сталъ на колѣни у той могилки, гдѣ они стояли, поднялъ вверхъ руки и сказалъ:—Боже Милостивый, покажи Свою силу царю Виклеціану!

Какъ только онъ произнесъ эти слова, тотчасъ могила съ трескомъ открылась и изъ нея вышелъ старикъ съ бѣлой бородой. Погладилъ бороду и сказалъ:

— Боже, какимъ тяжелымъ сномъ спалъ я! Царь Виклеціанъ спросилъ его:

— Давно ты заснулъ, дяденька?

— За шестьсотъ лѣтъ до рожденія Господа Христа—отвѣтилъ старикъ.

Тогда Виклеціанъ сказалъ Георгію:

— Знаешь, Георгій, что съ этихъ поръ я не буду тебя преслѣдовать. Пойдемъ домой!

Георгій пошелъ. Но, прійдя домой, Виклеціанъ поступилъ съ Георгіемъ по—предательски.

Онъ отдалъ его на мученія, говоря:

—Знаешь, что я тебѣ скажу, Георгій? Если ты вѣришь, что Тотъ, Кому, ты поклоняешься, сильнѣе меня, пусть Онъ спасетъ тебя отъ моихъ мученій, и если Онъ тебя отъ нихъ спасетъ, тогда я въ Него увѣрю.

Виклеціанъ повелѣлъ кузнецу выковать для св. Георгія желѣзные сапоги съ гвоздями, накалить эти сапоги на огнѣ и надѣть ихъ на Георгія, а своимъ врачамъ—приготовить стаканъ

такого сильного яду, что одна капля его прожигала камень. Послѣ этого онъ приказалъ Георгію взять въ руки стаканъ и въ своихъ сапогахъ прогуливаться съ нимъ по двору, отпивая изъ него по глотку. Если у Георгія отъ этого не сгорятъ ноги и если онъ не умретъ отъ яда, царь поклонится Тому, Кому кланяется и Георгій, и не тронетъ больше и волоска на его головѣ.

Св. Георгій, не говоря ни слова, взялъ стаканъ въ руки и и сталъ съ нимъ прохаживаться по двору,— пока не выпилъ всего стакана.

Гдѣ онъ проходилъ, тамъ распадались отъ жара камни и превращались въ уголья. Подходя къ царю, св. Георгій хотѣлъ подать ему руку. Но уже за десять шаговъ царь не вынесъ жара, которымъ дышалъ Георгій, и умеръ. Такъ избавился св. Георгій отъ преслѣдованій и мученій Виклеціана. Одного изъ врачей, приготовившихъ ядъ, звали Кузьмою, а другого Даміаномъ. Оба они удивились тому, что произошло съ Георгіемъ, и воскликнули:

— Великую силу имѣетъ Тотъ, Кому поклонялся св. Георгій! Поклонимся же и мы ему отъ всего сердца!

И, послѣ того какъ они поклонились, Господь сдѣлалъ и ихъ святыми, какъ св. Георгія».

Въ этой легендѣ мотивы церковнаго житія св. Георгія Побѣдоносца звучатъ очень отдаленно. Всецѣло на вымыслѣ народа основана нижеслѣдующая легенда.

Евреи сильно ненавидѣли св. Георгія за то, что онъ былъ христіаниномъ и святой. Поэтому они всячески старались изловить его и умертвить. Въ одну ночь имъ удалось связать его. Связавъ, они сказали св. Георгію:

— Если ты святой, приди и освяти нашъ домъ. Если ты освятишь намъ его такъ, какъ мы этого желаемъ, мы тебя отпустимъ, а если нѣтъ, знай, что гдѣ твоя голова, тамъ будутъ ноги, и гдѣ ноги— тамъ голова.

Домъ же, въ которомъ молились евреи, былъ полонъ горшковъ, которые были разставлены по стѣнамъ. Въ каждомъ горшкѣ было по одному нечистому духу.

Св. Георгій взялъ кадило, данное ему Господомъ съ неба, и принялся кадить. Какъ только сталъ онъ кадить, всѣ горшки разбились, а черепки ихъ собрались на середину комнаты. Евреи, видя это, стали совѣтоваться, какой смертью умертвить Георгія. Наконецъ рѣшили привязать его къ хвосту дикой лошади и выпустить эту лошадь вмѣстѣ со св. Георгіемъ въ поле.

Но св. Георгій, который лошадей видѣлъ не впервые, во мгновение ока вскочилъ на коня и помчался прочь, оставивъ евреевъ въ недоумѣніи».

Такимъ образомъ св. Георгій въ легендахъ молдаванъ съ одной стороны святой, стоящей, по времени своего празднованія въ преддверіи весны, съ другой стороны, согласно чертамъ, взятымъ изъ церковнаго житія, великій угодникъ Божій, чудесный всадникъ, рыцарь—защитникъ слабыхъ и угнетенныхъ, мученикъ—чудотворецъ, прославляющій Бога своими чудесами.

Молдавскія традиціи, связанныя съ праздникомъ св. Георгія, имѣютъ въ своей основѣ первый образъ—образъ святого, которому вручены Богомъ «ключи весны».

Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ, конечно, народнымъ примѣтамъ.

Если праздникъ св. Георгія совпадаетъ съ постнымъ днемъ (средой или пятницей), то, думаютъ, сборъ молока съ коровъ и овецъ въ теченіе цѣлаго года будетъ слабый.

Если въ день св. Георгія много росы,—годъ будетъ богатый.

Змѣя, найденная въ день св. Георгія, сохраняется въ уксусѣ и употребляется для леченія больного скота.

Соръ, выметенный въ день св. Георгія, употребляется для удобренія огородовъ въ надеждѣ на прекрасный урожай.

Не хорошо въ день св. Георгія отдавать чтонибудь изъ дому,—тогда придется отдавать цѣлый годъ.

Въ день св. Георгія женщины ходятъ собирать разныя цѣлебныя травы и цвѣты.

Въ этотъ же день до восхода солнца дѣвушки имѣютъ обыкновеніе сѣять цвѣты, въ особенности василекъ. Посѣявъ, поливаютъ его неначатой колодезной водой прямо изо рта. О

такимъ василькѣ говорятъ, что онъ не только будетъ красивѣе и душистѣе другихъ, но и сдѣлаетъ дѣвушку особенно привлекательной въ глазахъ деревенской мужской молодежи.

Онъ такъ и называется—«василькомъ любви» («*бусуйок ди драгости*»). Идя на «жекъ», дѣвушка непременно прячетъ у себя за поясомъ (пояса расшитые красивыми національными узорами—одна изъ любимыхъ принадлежностей праздничнаго костюма молдавской дѣвушки) стебелекъ «василька любви», будучи увѣрена въ его магическомъ дѣйствіи.

Хорошо также, по повѣрьямъ молдаванъ, рано утромъ, въ день св. Георгія, умыться росой; кто это дѣлаетъ, тотъ цѣлый годъ будетъ здоровъ, а на лицѣ не будетъ имѣть пятенъ.

Кто же въ это утро выкупается въ текучей водѣ, тотъ цѣлый годъ не будетъ болѣть лихорадкой.

Умывается росой и купается, конечно, главнымъ образомъ, олять—таки молодежь,—парни и дѣвушки.

Во многихъ мѣстностяхъ въ день св. Георгія принято украшать дома зеленью и цвѣтами.

Что же касается кануна этого дня, то онъ, по богатству обрядовъ съ несомнѣнными остатками язычества, не уступаетъ русскому Ивану Купалѣ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что тутъ христіанское празднованіе встрѣтилось съ какимъ-то древне-языческимъ праздникомъ въ честь весны, цвѣтовъ или солнца.

Прежде всего наше вниманіе останавливается на суевѣрѣ, что въ ночь наканунѣ св. Георгія колдуны и вѣдьмы ходятъ по селу, отбирая у коровъ и овецъ, въ особенности же у первыхъ, «манну» («*мана вачилор*»), т. е. сборъ молока.

Колдуны по молдавски называются «*стригой*», а вѣдьмы—«*стригоайчи*». Въ этихъ названіяхъ какъ будто звучитъ имя миѳическаго народа лестригоновъ, о которыхъ много чудеснаго встрѣчаемъ въ эллинскихъ миѳахъ.

Колдуновъ и колдуній молдоване представляютъ себѣ такими же, какъ и русскіе—летающими по воздуху непременно на-

гишомъ, верхомъ, впрочемъ, не на метлѣ, а всегда на осѣдлан-ныхъ ими людяхъ, превращенныхъ въ коней.

Поэтому вечеромъ передъ св. Георгіемъ опасно выходить на дворъ безъ шапки или шляпы,—можно нежданно—негаданно превратиться въ вѣдьминнаго коня. Въ этотъ вечеръ вѣдьма обычно подстерегаетъ за дверью, въ сѣняхъ. Достаточно неосторожному выглянуть въ сѣни безъ шапки или шляпы,—она тотчасъ набрасываетъ на него уздечку, садится верхомъ,—при чемъ осѣдланый тотчасъ превращается въ коня,—и давай гнать, что есть силъ! Загоняютъ вѣдьмы всегда до смерти.

А. Матвѣевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БРАТСКОЕ СЛОВО.

Успѣхъ пастырства въ данномъ мѣстѣ свидѣтельствуется о силѣ слова пастыря; живое слово необходимо и только оно одно и дѣйственно; простота живого слова—идеаль ораатора; итакъ, говорить священнику нужно, но какъ можно проще. Это рѣшительно всѣмъ извѣстно. Но жизнь состоитъ не изъ теорій, а изъ простыхъ фактовъ.

Я не филологъ и именно, можетъ быть, потому—листокъ Христо-Рождественскаго Братства № 435 заставляетъ меня обратиться къ братьямъ читателямъ съ двумя большими вопросами, на которые слѣдовало бы отвѣтить вотъ почему: серьезные, очень хорошіе, очень умные люди въ Кишиневѣ задались большой цѣлью—простымъ молдавскимъ языкомъ популяризировать высокія истины христіанства. Трудъ ихъ святъ, задача необъятна, подвигъ истинно апостольскій, Но мы, будучи членами великаго Христоваго Братства, являемся и членами Кишиневскаго Христо-Рождественскаго Братства и должны участвовать въ его великомъ трудѣ. Тамъ—въ Кишиневѣ—издаютъ листки, а мы—на мѣстахъ—используемъ ихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, предполагается. Тутъ я откровенно ставлю два вопроса: какъ вы, братья пастыри, пользуетесь листками—разъ, и пользуетесь ли ими вообще—два. Третій вопросъ—достигаютъ ли цѣли листки—стоитъ въ связи съ общими условіями нашей жизни и если

отвѣтомъ на него является иннокентьевщина, а мѣстами и прогрессирующій индифферентизмъ, то листки здѣсь не при чемъ, а причину искать слѣдуетъ поглубже.

Чтобъ положить начало искреннимъ отвѣтамъ—я долженъ сказать, что, священствуя 10 лѣтъ, за *каждымъ* богослуженіемъ я говорю прихожанамъ простымъ языкомъ отъ 10 минутъ до получаса, но не было еще случая, чтобъ я воспользовался листкомъ братства хоть бы, какъ канвой или темой для слова, народу, и это потому, главнымъ образомъ, что боюсь быть непонятнымъ. Листки я всегда раздавалъ, и сейчасъ раздаю, черезъ школу, дѣтямъ. Оригинально молдавскіе дѣти поступаютъ съ молдавскимъ текстомъ: то молитвенники, то малаго формата евангелія заворачиваютъ ими, то на стѣну, въ большомъ углу, приклеиваютъ ихъ, русскій же текстъ читаютъ и понимаютъ, молдавскій же имъ недоступенъ.

Мы люди большіе и въ сравненіи съ ними,—очень «ученые». Будемъ разбирать листокъ № 435. Кто скажетъ, безъ русскаго текста, что значитъ (на стр. 2 строчка сверху 5) слово «сериманъ»?

О. І. Игнатовичъ.? Но много ли среди насъ такихъ глубокихъ знатоковъ молдавскаго языка? Дальше 5 стр. 10 строка сверху: «динъ пѣринць обичнуиць, дупъ обичнуита рындуялы». Нужно не разъ и не два прочесть, чтобъ, внѣ контекстной зависимости уразумѣть, что это значитъ.

Будто бы нельзя проще сказать: «Каши тоць оамень со наскуть». Затѣмъ, никто не скажетъ, что для церковнаго слова выраженія 11, 12 и 13 строчекъ 5 стран. не рѣзки: «ау спусъ минчуні,... ау перить». Послѣднее слово по русски значитъ, я думаю, «издохъ». Забудемъ о томъ, что Магометъ, какъ никакъ, а есть создатель опредѣленной религіи, которая стоитъ уже много больше 1000 лѣтъ, но вспомнимъ, что о Іудѣ предателѣ Евангеліе говоритъ, что «удавился», а не «издохъ». А что говорятъ, г.г., Вашему уму и сердцу» слова строк. 15 (стр. 5) «ляу апринсъ май таре пре ачеля пофте» или строчка 18 (стр. 5) «асемнѣши», или 19 и 20 стр. «путеря патимилоръ челоръ апринсы», или строчк. 22 «ши кіаръ», 24 строчк. «ынвіершунаря», строчк. 25 «добиточещеле». Развѣ у насъ говорятъ такъ въ деревнѣ?

Прочитайте, братья пастыри, въ 14 № К. Еп. Вѣдомостей стран. 720 извлеченіе изъ слова Владыки Архіепископа Серафима, сказаннаго въ помѣщеніи Гербовецкой Общины: «Поѣхали, страдали, перенесли много лишеній, но сдѣлали хорошее дѣло и пріобрѣли много опыта...» и поставьте рядомъ выраженія листка № 435 «асеменьши,» «ши кіаръ,» «дабиточещеле,» «ынвіершунаря»—тогда Вы увидите, что первое извлеченіе—мѣсто классическое по простотѣ словъ, силѣ содержанія и количеству мыслей. и извлеченія второго рода показываютъ, что такъ говорить невозможно и ненужно. Въ тринадцати словахъ перваго извлеченія заключено пять независимыхъ мыслей, дающихъ текстъ для многихъ другихъ *понятій*; а чтобъ понять послѣднія четыре слова, необходимо пояснить ихъ нѣсколькими, болѣе простыми, понятіями. Возможно, что слова эти литературныя, но какъ то безжизненны.

Священникъ Іоаннъ Долищинскій.

Письмо въ редакцію.

Покорнѣйше прошу почтеннѣйшую Редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей напечатать нижеслѣдующее:

Въ № 13, Е. В. священникъ Іоаннъ Руссулъ высказываетъ много укоризнъ относительно писемъ захолустнаго попа Ивана, даетъ ему нравоученіе и т. под.

Въ № 14, священникъ Іоаннъ Андроникъ, какъ видно товарищъ о. Стойкова, уже шутитъ и насмѣхается надъ захолустнымъ попомъ, называя его самородкомъ, (говоря, что его языкъ затрудняется выразить изъ чувства деликатности къ бумагѣ?!) и что ему припоминается любимое выраженіе его товарища, о жизнедѣятельности захолустнаго батюшки: «въ деревнѣ живалъ, метелки вязалъ» и т. д. Вслѣдствіе выше изложенаго заявляю, что я священникъ казеннаго поселка Тропокло, 75 лѣтній старецъ и мнѣ не до шутокъ. Живу въ приходѣ тридцать первый годъ, метелокъ не вязалъ.—Всѣ божественныя службы совершалъ и совершаю безъ всякихъ пропусковъ, веду бесѣды съ народомъ, при каждомъ Богослуженіи говорю проповѣди; моими заботами и матеріальными средствами построено въ приходѣ 5 церковно-приходскихъ школъ, дома всѣ прочныя и при двухъ школахъ цер-

кви; учителя обезпечены жалованьемъ и каждая школа имѣетъ по 3 десятины собственной земли. Одна церковь-школа построена моимъ иждивеніемъ, для ней приобрѣтены на мои личныя средства всѣ богослужебныя книги, около 40 экземпляровъ, и другія книги для чтенія народу, всѣ колокола и проч. Прихожане большею частью грамотные, читаютъ и поютъ въ церквахъ, даже безъ псаломщика. Вотъ, краткая замѣтка о моей жизнедѣятельности. Этимъ я не хвалюсь, а хвалюсь о немощахъ моихъ, но вынужденъ написать сіе вслѣдствіе нападокъ на меня, и словами о. Стойкова скажу: «прииди и виждь».

Теперь пусть пишутъ товарищи, что хотятъ, возражать не буду, какъ уже и писалъ въ моемъ предпоследнемъ письмѣ, что я не писатель и не публицистъ, да и времени у меня нѣтъ; есть болѣе важныя дѣла для священника въ приходѣ.—Слава имъ, товарищамъ—публицистамъ, пусть пишутъ и философствуютъ.

Священникъ Іоаннь Галушко.

Епархіальная хроника.

◆ 24, 25 и 26 апрѣля въ покояхъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Серафима подъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства происходили совѣщанія относительно «Балтскаго движенія»; въ совѣщаніяхъ принимали участіе: Преосвященный Епископъ Гавріиль, синодальный миссіонеръ д. с. с. В. М. Скворцовъ, Херсонскій епархіальный миссіонеръ М. А. Кальневъ, Подольскій епархіальный миссіонеръ священникъ Н. Курчинскій, Кишиневскіе епархіальные миссіонеры протоіерей Ѳ. Воловей, священникъ Ѳ. Кирика, А. Т. Сквозниковъ членъ миссіонерскаго комитета протоіерей В. Гума и секретарь комитета Н. Г. Главатинскій.

◆ 27 апрѣля Высокопреосвященный Серафимъ посѣтилъ въ Серафимовскомъ епархіальномъ домѣ псаломщической классъ вмѣстѣ съ д. с. с. В. М. Скворцовымъ.

Въ тотъ-же день въ 12 ч., въ кафедральномъ соборѣ по случаю столѣтія кончины свѣтлѣйшаго князя М. И. Кутузова—Смоленскаго панихиду по немъ совершилъ Преосвященный Га-

вріилъ въ сослуженіи соборнаго и городского духовенства при пѣнни архіерейскаго хора подъ управленіемъ священника М. Березовскаго. Присутствовали на панихидѣ Бессарабскій губернаторъ М. І. Гильхенъ, вице-губернаторъ А. Н. Юганъ и другіе представители государственныхъ и общественныхъ учрежденій.

Въ тотъ-же день вечернимъ поѣздомъ д. с. совѣтникъ В. М. Скворцовъ выѣхалъ изъ Кишинева въ Подольскую епархію, вмѣстѣ съ Подольскимъ епархіальнымъ миссіонеромъ о. Н. Курчинскимъ. Отъѣзжавшихъ на вокзалѣ провожали кафедральный протоіерей Н. Василевскій, Кишиневскіе епархіальные миссіонеры, инспекторъ классовъ епархіальнаго училища священникъ А. Юри-касъ,—смотритель мужскаго духовнаго училища П. А. Сладкопѣвцевъ, инспекторъ того-же училища М. В. Смирновъ и другіе.

Въ тотъ-же день въ 6 ч. вечера всеношное бдѣніе въ кафедральномъ соборѣ совершилъ соборный протоіерей С. Кульчицкій въ сослуженіи протодіакона И. Чакира при пѣнни псаломщическаго хора. Въ концѣ всеношной Преосвященный Гавріилъ сказалъ слово.

◆ 28 апрѣля въ 9 ч. утра, въ недѣлю св. женъ мироносицъ въ кафедральномъ соборѣ божественную литургію совершилъ Преосвященный Гавріилъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства при пѣнни архіерейскаго хора. Во время причастнаго сказалъ поученіе протоіерей М. Чакиръ. За богослуженіемъ Преосвященнымъ рукоположенъ въ діакона псаломщикъ с. Стынгаченъ И. Коцага.

Въ тотъ-же день въ 5 ч. вечера въ митрополіи акаѳистъ Божіей Матери совершилъ Преосвященный Гавріилъ, въ сослуженіи монашествующаго духовенства при пѣнни архіерейскаго хора. Въ концѣ акаѳиста Преосвященнымъ было сказано слово.

Въ тотъ-же день въ 2 ч. въ покояхъ Высокопреосвященнаго Серафима подъ предсѣдательствомъ его Высокопреосвященства было собраніе членовъ Кишиневскаго Отдѣла Палестинскаго Общества, заслушавшее отчетъ д. с. с. А. М. Пархомовича о дѣятельности Отдѣла за 1912 годъ. Присутствовали: Ректоръ семинаріи архимандритъ Даміанъ, д. с. с. І. М. Пархомовичъ, про-

тоіерей Н. В. Василевскій, Н. В. Лашковъ, дѣлопроизводитель Отдѣла протодіаконъ И. Чакирь и другіе.

◆ 29 апрѣля въ 9¼ ч. утра въ кафедральномъ соборѣ духовенство совершило благодарственный молебенъ въ память спасенія отъ грозившей опасности Государя Императора въ г. Отсу въ бытность Его Величества Наслѣдникомъ Престола.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Всегда помогаетъ — никогда не измѣняетъ!

„У р п и н ъ“

примѣняется съ большимъ успѣхомъ противъ ранъ, опухолей, накожн. болѣзней и разн. эпидемич. заболѣваній скота, лошадей, свиней и проч. Потребители удостовѣряютъ, что урпинъ дѣйствительно универсальное средство, необходимое въ каждомъ хозяйствѣ.

Брошюра съ способомъ употребленія прилагается при каждой коробкѣ; въ этой брошюрѣ помѣщена также масса отзывовъ священниковъ, учителей, помѣщиковъ съ указаніемъ точныхъ адресовъ.

Полная гарантія. Цѣны урпина въ аптек. магазинахъ: 1/1 кор. 2 р. 20 коп. 1/2 кор. 1 р. 15 к. За эту цѣну высылаетъ франко.

Главный представитель Т-во *А. К. Рихтеръ*. г. Феодосія.

Редакторъ неофициальнаго отдѣла, статскій совѣтникъ преподаватель духовной семинаріи *Василій Курдиновскій*.

Печатать дозволяется. Кишиневъ. 5 мая 1913 года.

Цензоръ д. с. с. *Андрей Пархомовичъ*.
